

1854.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Тифлисъ: въ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С.-Петербург. Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ В. А. и Я. А. Исаковыхъ, г. Крашенинникова, и С. П. Лоскутова. Въ Москвѣ: въ Газет. Экспедиціи Московск. Почтамта. Подписываться также можно и во всѣхъ Губернскихъ Почт. Конторахъ.

№ 21.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

Годовое изданіе съ пересылкою . . . 8 р. 50 к.
Полугодовое 4 . 50 к.

Газета печатаетъ съ платою за каждую букву по 1/4 коп. сер., со всѣхъ объявленій безъ всякаго исключенія.

15 МАРТА,

СУББОТА.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА и ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ,

ПО ОТДѢЛЬНОМУ КАВКАЗСКОМУ КОРПУСУ.

Февраля 23-го дни 1854 года. Назначаются. По пѣхотѣ: Дагестанскаго пѣхотнаго полка Полковникъ **Кауфманъ** Командиромъ Кавказскаго Сапернаго баталіона. По Артиллеріи: Конно-Артиллерійской легкой № 12 батареи Капитанъ **Савицъ** Командующимъ конно-Артиллерійскою № 11 батареею Черноморскаго казачья войска, съ зачисленіемъ по Полевой конной Артиллеріи, на мѣсто состоящаго по оной Подполковника **Асслера**.

Производятся: По части медицинскою: изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: главный лекарь Черемскаго военнаго госпиталя **Александровичъ** и помощникъ Темиръ-Ханъ-Шуриискаго главнаго доктора **Годзевскій**. Изъ коллежскихъ ассесоровъ въ надворные совѣтники: главные лекаря военныхъ госпиталей: анапскаго — **Фазровъ** и Эриванскаго — **Моновъ** и старшій ординаторъ Тифлискаго в. г. — **Модтъ**. Опредѣляются въ службу: коллежскій ассесоръ **Верцинскій** въ Тифлискую Комиссаріатскую Комиссію. Изъ студентовъ Университета св. Владимира младшими ординаторами въ военные госпитали егерскихъ полковъ: **Андріевскій** — Тифлискаго, **Прушинскій** Литовскаго, Казанскаго Университета: **Вильшевскій** и **Канинъ** — оба въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ върачи. Исключаются изъ списковъ умершие: Тифлисской Комиссаріатской Комиссіи бухгалтеръ коллежскій ассесоръ **Строгоновъ** и управлявшій аптекою Эриванскаго военнаго госпиталя, коллежскій ассесоръ **Кривовъ**.

Высочайшими Именными Указами, данными Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, Всемилостивѣйше пожалованы кавалерами: ордена Св. Георгія 3-й ст., за военные подвиги. Состоявшій при Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ для особыхъ порученій, Генералъ-Лейтенантъ **Александръ Багратовъ** 1. Командиръ Кавказской Резервной Гренадерской бригады, Князь **Иванъ Багратовъ-Мухранскій**. Командиръ Драгунскаго Его Королев-

скаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка, Князь **Ласонъ Чавчавадзе**. Золотой полусаблюю, съ надписью «за храбрость»: командиръ Блостокскаго пѣхотнаго полка полковникъ **Шолубевъ**, въ возданіе за отличное мужество и храбрость, оказанныя имъ въ сраженіи противъ Турокъ 6 ноября 1853 г. подъ Анхурохъ.

Именнымъ Его Императорскаго Величества Высочайшимъ указомъ, данные Правительствующему Сенату.

Февраля въ 16 день. По настоящимъ обстоятельствамъ, признавъ нужнымъ объявить состоящимъ въ военномъ положеніи Екатеринбургской губерніи и Таганрогское Градоначальство, съ подчиненіемъ ихъ Никлазову Атаману Войска Донскаго, Генералу отъ Кавалеріи **Хомутову**, Мы предоставили ему на все время состоянія означенныхъ губерній и Градоначальства въ военномъ положеніи, пользоваться правами Командира Отдѣльнаго Корпуса, на основаніи Устава для управленія Арміями 5 Декабря 1846 года. Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить распоряженіе о приведеніи сего въ исполненіе.

Февраля въ 21-й день. При настоящимъ обстоятельствамъ, Мы признали за благо С.-Петербургскую губернію объявить состоящею въ военномъ положеніи и подчинить Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, Главнокомандующему Гвардейскими и Гренадерскимъ Корпусами, на правахъ, Его Высочеству присвоенныхъ, по званію Главнокомандующаго Армією въ военное время, по Уставу для управленія Арміями 5-го Декабря 1846 года. Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе къ приведенію сего въ исполненіе.

Февраля въ 21-й день. Губерніи Эстляндскую и Лифляндскую Мы признали за благо, по настоящимъ обстоятельствамъ, объявить состоящими въ военномъ положеніи, съ подчиненіемъ Эстляндской губерніи Командующему войсками, въ этой губерніи расположенными, Генералъ-Адъютанту **Бергу**, губерніи же Лифляндской, Командующему войсками въ этой губерніи, Рижскому-Военному, Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому Генералъ-Губернатору, Генералъ-Адъютанту Князю Италійскому Графу Суворову Римникскому, предоставляя имъ, на время состоянія означенныхъ губерній въ военномъ положеніи, права Командира Отдѣльнаго Корпуса въ военное время, на основаніи Устава для управленія Арміями 5-го Декабря 1846 года. Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе къ приведенію сего въ исполненіе.

Февраля въ 21-й день. Губернію Архангельскую Мы признали за благо, по настоящимъ обстоятельствамъ, объявить состоящею въ военномъ положеніи, съ подчиненіемъ оной Архангельскому Военному Губернатору Вице-Адмиралу **Бойлю**, предоставляя ему, на все время состоянія этой губерніи въ военномъ положеніи, права Командира Отдѣльнаго Корпуса въ военное время, на основаніи Устава для управленія Арміями 5-го Декабря 1846 года. Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе къ приведенію сего въ исполненіе.

Февраля въ 21-й день. По настоящимъ обстоятельствамъ признали Мы нужнымъ объявить въ военномъ положеніи Царство Польское и губерніи Курляндскую, Ковенскую, Виленскую, Гродненскую, Волынскую и Подольскую, подчинивъ какъ Царство Польское и означенныя губерніи, такъ равно объявленнымъ уже въ военномъ положеніи, Указомъ Нашимъ 19-го Ноября 1853 года, Бессарабскую область и часть Херсонской губерніи на правомъ берегу р. Буга, Главнокомандующему Дѣйствующей Армією Генералъ-Фельдмаршалу Князю Варшавскому Графу Паскевичу-Эриванскому, на правахъ, ему присвоенныхъ въ военное время по Уставу для управленія Арміями 5-го Декабря 1846 года. Въ сѣть съ тѣмъ повелеваемъ: а., Чтобы губерніи Подольская, часть Херсонской на правомъ берегу р. Буга и Бессарабская область находились также въ подчиненіи Командующаго войсками 3-го, 4-го и 5-го Пѣхотныхъ Корпусовъ, Генералъ-Адъютанта Князя **Горчакова** на предоставленныхъ ему правахъ Командира Отдѣльнаго Корпуса въ военное время; б., Чтобы Царство Польское, и губерніи Курляндская, Ковенская, Виленская, Гродненская, въ отсутствіи Генералъ-Фельдмаршала изъ Царства, состояли въ подчиненіи Командующаго Гренадерскимъ 1-мъ и 2-мъ Пѣхотными Корпусами Генералъ-Адъютанта Графа **Ридигера**, равною и на правахъ Командира Отдѣльнаго Корпуса въ военное время; в., Чтобы кромѣ того Командующій войсками, въ Курляндской губерніи расположенными, пользовался во все время состоянія этой губерніи въ военномъ положеніи правами Командира Отдѣльнаго Корпуса по Уставу 5-го Декабря 1846 года, подъ непосредственнымъ Начальствомъ Генералъ-Фельдмаршала, а въ его отсутствіи изъ Царства Польскаго подъ начальствомъ Генералъ-Адъютанта Графа **Ридигера**; г., Чтобы Генералъ-Адъютантъ **Баронъ Остенъ-Сакенъ** 1-й сохранилъ права Командира Отдѣльнаго Корпуса, предоставленныя ему Указомъ Нашимъ отъ 19-го Ноября 1853 года надъ Бессарабскою областію и частью Херсонской губерніи на правомъ берегу р. Буга, оставаясь

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Воспоминанія Кавказскаго Офицера.

III.

ДАУТЪ и ИССА.

(Окончаніе. *)

Въ тотъ-же день старый Исса, въ сопровожденіи Молды и наиболѣе уважаемыхъ въ народѣ старшинъ, отправился въ Грозную. Послѣдствіемъ его ходатайства было то, что я получилъ приказаніе отпустить съ нимъ Гайдэ и Белду, дѣною освобожденія горцами троихъ нашихъ пѣхотныхъ солдатъ. Это приказаніе было мнѣ передано братомъ Иссы. Каждое слово его падало мнѣ камнемъ на сердце... Но я понималъ, что не имѣю никакого права удерживать при себѣ пѣхотницъ. Мудрый и предусмотрительный законъ признаетъ пѣхотниковъ средствами для освобожденія нашихъ соотечественниковъ, по несчастію пѣхотныхъ горцами и подвергающихся у нихъ жестокому обращенію, на какое только способенъ варолю неумолимый и необразованный. Съ другой стороны, я понималъ, что права кровнаго родства гораздо священнѣе правъ иноземца, который, пріотивъ къ себѣ пѣхотницъ, поступилъ только по внушенію челоуѣколюбія. И такъ, должно было подавить въ себѣ всякое эгоистическое чувство и покориться необходимости.

Но мнѣ предстояло еще одно мгновеніе страшной внутренней борьбы, одно изъ такихъ мгновеній, которыя способны поколебать всѣ соображенія благоразумія.

Пѣхотницы мои слышали все. Бѣдныя, какъ смерть, онѣ вбѣжали въ мою комнату, бросились къ ногамъ моимъ и, обливая ихъ слезами, умоляли меня защитить ихъ, обременить ихъ самыми жестокими обязанностями, лишь-бы только оставить ихъ у порога дверей моихъ. Онѣ говорили, что здѣсь рай ихъ, внѣ дома моего-адъ...

Минута, въ которую я выслушалъ все это, неописанна! Мнѣ пришло въ голову повергнуть несчастныхъ къ подножію Креста Спасителя, — это спасло-бы ихъ... Но уже было поздно. Конскій топотъ послышался у моихъ оковъ. Исса, съ дюжиной горскихъ начальниковъ, медленно и торжественно приближался къ моей квартирѣ. Бѣдныя дѣвушки увидѣли горцевъ. Слезы мгновенно изсыпали въ глазахъ ихъ, голоса замерли въ груди. Онѣ выбѣжали изъ моей комнаты при входѣ въ нее горскихъ начальниковъ. Изъ этихъ послѣднихъ я лично зналъ каждого. Нѣкоторые были мнѣ кунаками или пріятелями; но признаюсь, въ эту минуту я охотно свернулъ-бы голову любому изъ этихъ пріятелей, если-бы не понималъ, что спокойствіе мое необходимо для чести моихъ пѣхотницъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, старый Исса объяснилъ мнѣ причину своего ходатайства за дѣвушекъ, и свое положеніе относительно Даута. Онъ заклиналъ меня именемъ Бога и всего священнаго, отклонить отъ него демона кровомщія, угрожавшаго престарѣлымъ днямъ его. Онъ молилъ

меня, позволить ему быть обязаннымъ спокойствіемъ послѣднихъ часовъ своей жизни тѣмъ, на вѣрное служеніе которымъ онъ посвятилъ уже цѣлую жизнь свою...

Дѣвушки были приведены... Въ нихъ не оставалось никакого признака жизни. Онѣ были похожи на мраморныя изваянія, изображавшія рѣшимость отчаянія и сошедшія съ своихъ подножій къ порогу дверей моихъ.

Появленіе ихъ, какъ что-то сверхестественное, сильно поразило умы горцевъ, чуждыхъ впечатлѣніямъ подобнаго рода.

Наступило глубокое молчаніе. Старикъ почтительно ожидалъ, чтобы я заговорилъ. Наконецъ я обратился къ Иссѣ съ рѣчью, въ которой старался объяснить ему, что мои пѣхотницы жили у меня какъ у отца, что онѣ чисты и невинны, какъ агнцы, которые въ первый разъ увидѣли солнце; что я повсюду стану слѣдить за ихъ судьбою, и наконецъ, что я желаю, чтобы въ отечествѣ своемъ онѣ никогда не были вынуждены сожалѣть о гостепримствѣ иноземца.

Старый Исса, казалось, былъ глубоко растроганъ. Положивъ руку на сердце, онъ обѣщалъ мнѣ именемъ своимъ и своихъ товарищей, сдѣлаться отцемъ для бѣдныхъ сиротъ.

Послѣ того онъ обратился къ дѣвушкамъ съ словами отеческаго участія, говорилъ имъ о счастіи будущаго свиданія и обо всемъ, что могло тронуть и утѣшить ихъ сердца... Но мертвыя сердца моихъ пріемышей оставались чужды словамъ утѣшенія и надежды; въ ихъ сер-

подъ непосредственнымъ Начальствомъ Командующаго войсками 3-го, 4-го и 5-го Пехотныхъ Корпусовъ. Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить распоряженіе къ приведенію сего въ исполненіе.

ТИФЛИСЪ.

Его Высокопревосходительство, Генералъ-отъ-Кавалеріи Редъ изволилъ отдать слѣдующій приказъ по Отдѣльному Кавказскому Корпусу:

8-го Марта. Прибывшему въ г. Тифлисъ 4 марта Генеральнаго Штаба Полковнику Броневскому, назначенному Высочайшимъ приказомъ въ 21 день января этого года, исправляющимъ должность обер-квартирмейстера Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, предлагаю вступить теперь-же въ исправленіе своей должности и вмѣстѣ съ тѣмъ принять на себя, временно, исправленіе должности помощника Начальника Главнаго Штаба войскъ, на Кавказѣ находящихся.

9-го Марта. Баталіоны резервной дивизіи Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса прослѣдовали отъ г. Ростова до г. Ставрополя въ такомъ отличномъ состояніи, что больныхъ было только 19 человекъ и ни одного умершаго и бѣжавшаго.

Относя это къ заботливости и попеченію начальника означенной дивизіи, Генералъ-Лейтенанта Варпаховскаго, я считаю долгомъ выразить ему мою признательность.

О чемъ объявляю по войскамъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса.

Отъ дирекціи музея

Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Въ послѣднее время въ Кавказскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества поступили слѣдующія пожертвованія: 1) отъ д. ч. отца Романова: Татарская люлька, со всеми принадлежностями для младенца, украшеніе для ребенка, татарскій починикъ, женскій подвѣсничій поясъ, крестикъ съ стеклянными украшениями; 2) отъ Александропольскаго уѣзднаго начальника Ланко, вывѣтрившаяся базальтовая лава; 3) отъ д. ч. Лисаневича, одна серебряная Римская монета; 4) отъ Генералъ-Маіора Грамотина, коллекція тавроузъ Кабардинскихъ, Карачальскихъ и Абазинскихъ лошадей, состоящая изъ четырехъ таблицъ; 5) отъ правителя дѣлъ Отдѣла А. А. Харитоновъ, два турьи рога; 6) отъ А. П. Головина сѣра изъ окрестно-

стей селенія Абаго; 7) отъ К. А. Ермолова, двѣ монеты: Аббасидская золотая и Арзакидская серебряная; 8) отъ г. Дункель-Велинга: окаменѣлое орѣховое дерево, цилиндрическіе окаменѣлости, Каспійскіе кораллы и окаменѣлая Бакинская грязь; 9) отъ Е. Д. Макинцова: кальянь Шахъ-Аббаса, бердышъ, булава, два овалыне сердолика, яшмовая чашка, перломутровая раковина, монеты золотыхъ 5, серебряныхъ 27, мѣдныхъ 3; 10) отъ Е. А. Вердеревскаго: кристаллизованная бутылка и кусокъ горнаго хрустала съ Казбека; 11) отъ Ея Свѣтлости Княгини Е. К. Воронцовой: большій Лезгинскій поясъ, уложенный весь Русскими монетами, ожерелье изъ Русскихъ монетъ, ожерелье изъ Восточныхъ монетъ, два Лезгинскіе серебряные съ камнями браслета, прыжка съ кораллами для пояса, Коранъ на Арабскомъ языкѣ (рукопись); монеты золотыхъ 11, серебряныхъ 18, мѣдныхъ 9, Русскихъ копѣчекъ 102, Китайскихъ монетъ 12, трость Его Свѣтлости Князя М. С. Воронцова, бывшая съ нимъ въ Даргинской экспедиціи, серебряная съ позолотою армянская коробочка, серебряная съ изображениями крышечка; коллекція золотыхъ Керченскихъ и Таманскихъ древностей; 12) отъ Его Свѣтлости Князя М. С. Воронцова, древнихъ монетъ: золотыхъ 2, серебряная 1 и мѣдная 1, и карта Осетіи Клапрота; 13) отъ д. ч. П. А. Бартоломея: знакъ отличія Шамиля и карта Россіи, и 14) отъ Директора графа Соллогуба: Татарское грудное украшеніе женское, Татарское серебряное ожерелье, серебряная съ эмалью коробочка, три серебряныя головныя булавки, грудное украшеніе съ монетами, серги, три серебряныя подвѣски, перстень и Персидская трость Мирзы-Агасси съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, амулеты письменные изъ-подъ Башъ-Кадыкляра, Турецкая чернилица оттуда-же, и 15) отъ князя М. О. Орбелянова: двѣ серебряныя и три мѣдныя монеты. Кромѣ того Дирекція приобрѣла Хевсурскій костюмъ съ кольчугой и полнымъ вооруженіемъ.

Довода о такихъ приращеніяхъ съ глубочайшею признательностію до всеобщаго свѣдѣнія, Дирекція Музеума Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, имѣетъ честь покорнѣйше просить всехъ ревнителей просвѣщенія не отказать въ содѣйствіи своему полезному дѣлу, имѣющему цѣлью представить наглядное объясненіе естественнаго богатства и разнообразнаго быта здѣшняго Края.

пахъ уже поселился трупъ, не воскресающій трупъ утраченнаго счастья...

Наступила минута разлуки. Гайде судорожно схватила руку мою, прижала къ ней свои холодныя губы и вышла первая изъ комнаты. За нею послѣдовала Бѣла, за Бѣлой вышли горцы, мнѣ-же оставалось только слѣдить взорами за уѣзжающими, пока не скрылись они за угломъ улицы...

На берегу Терека лодки ожидали путниковъ. Двѣ сестры и трое изъ старшинъ помѣстились въ одну изъ лодокъ. Бѣла горько плакала. Гайде скорбѣла безъ слезъ... Бѣдная дѣвушка предавалась той отчаянной горести, которая замыкается сама въ себя и не умѣетъ облегчаться слезами. Устремивъ взоръ на веселые виноградники, покрывающіе берегъ Терека, на развѣсистыя деревья, бышія свидѣтелями дней ея счастья, она послала имъ вѣчное «прости». Когда-же лодка выплыла на средину рѣки, гдѣ буйныя волны кипятъ и ревутъ въ быстромъ стремленіи, Гайде поручила Богу свою душу и бросилась въ волны... Она была спасена сильными руками своихъ спутниковъ. Бездыханную положили ее на противоположный берегъ рѣки, и стали приводить въ чувство.

Но въ эту минуту спасенія неумолимая судьба подписывала смертный приговоръ...

Отъ Старо-Юрта поскакалъ всадникъ въ Горышки, съ извѣстіемъ о возвращеніи освобожденныхъ плѣнницъ. Весь аулъ радостно поднялся на ноги. Родственники и сосѣди

поесли все, чѣмъ были богаты, на праздникъ освобожденія и примиренія: въ баравахъ, въ хлѣбѣ, въ меду, въ бузѣ и чапѣ не было недостатка. Въ сакляхъ празднично разгарались очаги. Передъ очагами засуетились женщины, съ разными горшками и горшечками, или съ шашлыкомъ, напизаннымъ на ободанныя прутья. Молодежь съ пѣснями и плясками вышла на дорогу, по которой долженъ былъ прибыть ожидаемый поѣздъ.

Каждое облако пыли, поднимавшееся на дорогѣ, возбуждало въ зрителяхъ крики радости. Каждый прохожій подвергался разпросамъ.

Но Даутъ оставался молчаливъ и сумраченъ посреди всеобщаго торжества. Темная землянка его казалась мрачнѣе обыкновеннаго, и часто разговаривалъ онъ о чемъ-то втихомолку съ своими товарищами-разбойниками. Старики, опираясь на свои длинныя палки, наблюдали за Даутомъ и его сообщниками, и пожимая плечами, говорили: «яманъ, яманъ!.. (худо, худо!), какъ-бы предугадывая злоумышленіе...

Уже наступалъ вечеръ, когда вдругъ показалась изъ дѣса арба, влекомая волами и сопровождаемая двумя всадниками: это Гайде и Бѣла возвращались въ родной аулъ съ Иссой и его братомъ. Прибывшіе были встрѣчены криками радости. Всѣ окружили ихъ съ живымъ участіемъ. Одинъ Даутъ, братъ освобожденныхъ, принялъ ихъ поклоны съ обычною у горцевъ холодною. Мужчины у этого народа стыдятся всякаго изліянія чувствъ, составляю-

ВОЕННЫЯ ДѢЛА ДОНЦОВЪ
съ КРЫМСКИМЪ ХАНОМЪ ДЕВЛЕТЪ-ГИРЕЕМЪ
въ 1773 и 1774 годахъ.

(Продолженіе.)

Видя неудачу въ своемъ предпріятіи, Девлетъ-Гирей не упалъ духомъ. Онъ надѣялся на вспомошествованіе многочисленныхъ Ногайскихъ Татаръ и Кабардинскихъ племенъ, жившихъ на Кубани и всегда почти враждовавшихъ съ Русскими,—въ чемъ почти и не обманулся. Для привлеченія ихъ на свою сторону, Ханъ употребилъ самое надежное средство—подарки, не забывъ впрочемъ, предъявить и данный ему Султаномъ фирманъ на достоинство Крымскаго Хана и приказъ повелителя *правосърныхъ*—статьъ под знамена его противъ *неверныхъ*. Сначала дѣло шло какъ нельзя лучше. Задаренные Ханомъ Едишкульскіе Мурзы, Аверманскіе и Черкесскіе князья не только что согласились ему помогать, но даже присягнули служить противъ Россіи, самые Ширинскіе Мурзы, находившіеся въ Крыму и любиміе новаго своего Хана, непостояннаго Шаги-Гирей, изъявили тайно преданность свою Девлетъ-Гирей. Оставалось Хану склонить только на свою сторону одного Джанъ-Магометъ-Бей, сильнѣйшаго изъ всехъ Татарскихъ владѣтелей, который за свое благоразуміе пользовался отличномъ уваженіемъ между всеми горскими князьми. Склонить его на свою сторону, дожидаясь новаго общаго Хана Султаномъ подкрѣпленія изъ Турціи, а потомъ, соединивъ Турецкія, Татарскія и Черкесскія войска вмѣстѣ, двинуться съ ними къ Черкаску, разорить этотъ ненавистный Туркамъ и Крымцамъ городъ и ближайшія къ нему станицы, и перейдя Донъ, ворваться въ Крымъ—вотъ планъ, созданный Девлетъ-Гиреемъ!

Нѣсколько разъ приглашалъ Ханъ Джанъ-Магомета прійхать къ нему въ Тамань для свиданія. Но вѣрный Россіи Бей, подъ разными предлогами, всегда отъ того отказывался. Замѣчая его упорство, Девлетъ-Гирей рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству: онъ послалъ къ нему своего брата, Калгу Шаббасъ-Гирей, съ богатыми подарками (ему и первымъ его сановникамъ) и письмомъ, приглашая его оказать ему помощь противъ казаковъ и угрожая въ противномъ случаѣ местию Султана. «Да будетъ вамъ извѣстно, писалъ между прочимъ Ханъ, что я присланъ отъ Турецкаго Султана въ городъ Тамань для того, чтобы вы были мнѣ подвластными, въ знакъ чего я имѣю отъ Султана фирманъ и большое законное знамя. И потому прошу васъ, для общаго согласія прійхать въ Тамань; а кто не согласится, тотъ будетъ сочтенъ мною и Султаномъ противникомъ Магометанскаго закона». Прочтя это письмо, осторожный Джанъ-Магометъ-Бей отвѣчалъ Калгу, по прежнему, нерышительно, говоря, что онъ еще подумаетъ, что нужно будетъ предпринять въ настоящемъ случаѣ. Между тѣмъ, спустя нѣсколько дней, къ Джанъ-Магомету съѣхались и всѣ задаренные Ханомъ Кабардинскіе князья, которые, не смотря на свое клятвенное обѣщаніе, безъ согласія уважаемаго ими престарѣлаго Бей, все еще не рѣшались оказать помощи Девлетъ-Гирейю. Всѣ они неотступно просили совѣта у Джанъ-

шаго для насъ сладкую потребность сердца. Они смяются радоваться только убійству или грабежу, и всему тому, что у насъ почитается стыдомъ и преступленіемъ.

Гайде и Бѣла были печально поражены зрѣлищемъ разрушеннаго аула, гдѣ все напоминало имъ погибшую мать. Бѣдная дѣвушка машинально двигалась посреди окружавшей ихъ толпы до тѣхъ поръ, пока не увели ихъ въ свою саклю нѣсколько женщинъ, которымъ хотѣлось радушно принять, накормить и успокоить возвратившихся, и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворить собственное любопытство безчисленными разпросами и осмотромъ всѣхъ вещей, принесенныхъ съ собою плѣнницами. Каждый платочекъ, каждое шелковое платьѣ были предметами всеобщаго шумнаго удивленія.

Между тѣмъ и Даутъ также пріютилъ къ себѣ гостей своихъ, и у пылающаго очага приступилъ съ ними къ празднованію *удовлетвореннаго кровомщенія*. Исса охотно ѣлъ и пилъ. Онъ былъ беззаботенъ и веселъ старческой важною веселостію.

Ночь была темна. Вѣтеръ завывалъ въ лѣсу. Дождь сильно колотилъ по плоскимъ кровлямъ и просачивался сквозь нихъ въ самыя землянки, такъ что пирующие должны были прикрываться своими бурками. Даутъ предложилъ гостямъ перейти въ сосѣднюю саклю, гдѣ, по его словамъ, крыша не пропускала дождевой воды. Всѣ встали и пошли къ сосѣднему саклю, по узкой и наклонной тропинкѣ. Исса шелъ впереди. Отворивъ дверь сакли, онъ увидѣлъ двухъ чело-

Магометъ-Бей, какъ поступить имъ въ этомъ дѣлѣ, будущи готовы положить въ всемъ на его мнѣніе.

Долго молчалъ въ раздумьи благоразумный старикъ. Не гнусная измѣна колебала тогда душу Джанъ-Магомета: лѣтъ, его смущала тяжелая мысль, что отказомъ Хану онъ неминуемо навлечетъ на себя негодование вѣроломнаго своего народа, никогда не любившаго Русскихъ (особенно казаковъ); ибо всѣ почти мурзы его, какъ уже замѣчено, задобрены были предварительно Ханомъ. Къ тому же надо знать, что самъ Джанъ-Магометъ былъ единовѣрецъ и никогда поданнымъ Турецкаго Султана и союзникомъ Крымскаго Хана; служа имъ обоемъ въ войнахъ противъ Русскихъ, онъ никогда не думалъ, что ему придется, на старости лѣтъ, искать покровительства у презншихъ своихъ враговъ. Жестокость и безумная гордость Турецкаго правительства заставили его прибѣгнуть къ милости Императрицы Екатерины II. Уже прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ Джанъ-Магометъ-Бей поклялся служить вѣрно новой своей Повелительницѣ, его облагодѣтельствовавшей; но, при всемъ томъ, онъ не могъ еще скоро забыть недавнихъ бѣдствій, потерпѣнныхъ Будацкими Татарами отъ нашихъ войскъ въ Турецкую кампанію, а при этомъ воспоминаніи, врожденное чувство ненависти естественно не могло въ душѣ его не бороться съ чувствомъ благодарности къ Россіи. Не легко бываетъ заглушить въ себѣ даже и мелочные расчеты самолюбія, когда идетъ дѣло о пользѣ постороннихъ лицъ; а побѣдитъ глубоко укоренившіяся чувства, всосанная, такъ сказать, въ кровь вмѣстѣ съ материнскимъ молокомъ, и побѣдитъ при обстоятельствегахъ самыхъ неблагоприятныхъ, вопреки желанію всего народа, съ явною опасностію для собственной жизни, — о, это трудный и высокій подвигъ самоотверженія! Но такова сила благодарности, оказаннаго пужающемуся, что она и злѣйшаго врага можетъ иногда сдѣлать самымъ вѣрнымъ другомъ. Помня милости къ себѣ Императрицы и видя постоянное благорасположеніе къ Татарамъ новыхъ своихъ сосѣдей — Донцовъ, Джанъ-Магометъ-Бей, послѣ долгаго размышленія, рѣшился наконецъ, по чувству благодарности, свято сохранить данную имъ клятву; и послѣ того уже, ни угрозы и обольщенія Девлетъ-Гирей, ни открытое негодованіе мурзъ, ни ропотъ неблагодарной черни, — ничто не могло поколебать твердой рѣшимости этого мужественнаго старца до самой смерти его (вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшей).

Когда горскіе князья съѣхались къ Джанъ-Магометъ-Бей въ другой разъ и упорно настаивали въ своемъ прежнемъ прошеніи, онъ всталъ и, обращаясь къ нимъ, произнесъ: «Благородные князья! не знаю кто изъ насъ останется въ дуракахъ, — мы или Ханъ, прибывшій воевать съ Россією. Султанъ прислалъ его взять Крымъ, а не насъ склонять въ свое согласіе. Напрасно онъ грозитъ намъ своимъ «фирмаохъ. Я прожилъ 70 лѣтъ и уже доживаю 8-й десятокъ. Видишь я на своемъ вѣку и Султанскіе фирманъ и Турецкую армію по-больше, чѣмъ теперь у Хана, но видѣлъ также и разореніе собственныхъ жилищъ, такое разореніе, какова вы не видали. Я помню то время, когда стѣсненный Русскими, я просилъ униженно Визиря — «позволить мнѣ перепустить свои кибитки черезъ Дунай,

вѣкъ, стоявшихъ по обѣ стороны двери съ обнаженными кинжалами въ рукахъ. Не успѣлъ Исса обнажить своего кинжала, какъ предательскіе удары поразили старика и повергли его у порога. Съ послѣднимъ дыханіемъ своимъ Исса извергнувъ проклятіе на убійцъ, и умеръ...

Черезъ два или три дня послѣ ночи, во мракѣ которой совершилось предательское убійство, поправшее всѣ священнѣйшія человѣческія чувства, Гайде пошла въ лѣсъ отыскивать свою корову. Времени прошло много, а Белла напрасно ждала сестру изъ лѣса. Закатилось и солнце, возвратились съ полей къ очагамъ всѣ жители аула, не возвращалась одна Гайде... Белла побѣжала въ лѣсъ за сестрою. Задыхаясь отъ усталости, бѣгала она по всѣмъ знакомымъ тропинкамъ; она не жалѣла ни ногъ, ни рукъ, ни лица, обливавшихся кровью отъ колючихъ растений лѣсной чащи; всей силой своей груди звала она потерянную сестру, но напрасно! Одно горное эхо откликалось на призывы отчаянной Беллы. Мысль, что Гайде, можетъ быть, уже возвратилась домой по другой дорогѣ, заставила наконецъ Беллу принять обратный путь къ аулу; но едва успѣла она сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ ноги ея спотынулись о какое-то недвижимое тѣло... Белла наклоняется, всматривается, испускаетъ вопль ужаса, и безъ чувствъ падаетъ на окровавленный и бездыханный трупъ сестры своей...

Никогда никто не могъ узнать, чья злодѣйская рука поразила благородное сердце Гайде. Въ убійствѣ подозрѣвали жениха.

«общаясь ему служить съ своимъ народомъ, даже съ 15-лѣтними Татарами, противъ Русскихъ. Но онъ отвергъ мое прошеніе. Я потерялъ разореніе, принужденъ былъ просить милости у Россіи и, къ удивленію, нашелъ то, чего не надѣялся, ибо по просьбѣ моей, все для меня сдѣлано, чего я хотѣлъ. Подобно какъ щепать въ зубахъ, «я перенесъ свой народъ черезъ Донъ на теперешнія мѣста, которыми пользуюсь по милости Россіи. А сколько еще бѣдныхъ моихъ людей добываютъ себѣ хлѣбъ въ Россіи? право, ихъ больше, нежели сколько находится у васъ. Могу-ли я, послѣ того, воевать противъ Русскихъ? Нѣтъ! я никогда не забуду благодарный комъ Россіи и скорѣе «согласюсь умереть, чѣмъ нарушить учиненную ей присягу.»

Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на все собраніе. Пораженные истинною словъ Джанъ-Магомета, что съ Россією трудно имъ будетъ бороться, всѣ князья благодарили его за полезное (по ихъ словамъ) наставленіе, а прощаясь сказали ему: «хоть мы и приняли подарки отъ Хана и согласились было служить ему, однакожь теперь не окажемъ ему помощи противъ Русскихъ.»

Радостная вѣсть объ отказѣ Хану въ помощи Джанъ-Магомета и другихъ князей получена была на Дону въ половинѣ января. Вотъ какъ уведомятъ объ этомъ Войсковую Канцелярію подполковникъ Бухвостовъ, въ своемъ отношеніи (отъ 9-го января): «Здѣшній народъ, будучи «развращаемъ безпрестанно подущеніемъ Девлетъ-Гирей «Хана, пребываетъ до сего времени, по природному своему обыкновенію, въ волненіи. Но какъ обитающій со мною въ одномъ мѣстѣ Едисанскій Бей Джанъ-Магометъ «въ вѣрности къ Россіи пребываетъ непоколебимъ и явно «отрече отъ всѣхъ Девлетъ-Гирей Хана обольщеній, а «притомъ и народъ, имѣя къ престарѣлому сему Бей преданность и уваженіе, не можетъ предпринимать безъ воли и «согласія его ничего важнаго, то потому и надѣюсь, что «доколѣ почтенный сей старикъ пребудетъ въ клятвѣ своей и вѣрности къ Россіи непремѣненъ, то ни здѣшніе «мурзы, ни черни, а тѣмъ же еще другіе малые бей ниче- «го дерзкаго противъ Россіи начать не могутъ.» Получивъ это извѣстіе, атаманъ приказалъ распустить по домамъ собранную въ Черкасскъ тысячную команду казаковъ, начинавшую терпѣть большой недостатокъ въ продовольствіи, и все свое вниманіе обратить на Пугачева. — Такъ, грозная туча, собиравшаяся надъ Черкасскомъ, была отведена отъ него, при помощи Божіей, дѣятельностію атамана Сулины и твердою рѣшимостію Бей Джанъ-Магомета; но мы увидимъ, что она вскорѣ разразилась на Кавказѣ.

Девлетъ-Гирей видѣлъ, что планъ его разрушенъ Джанъ-Магометомъ. Не имѣя при себѣ достаточнаго войска и напрасно ожидая возвращенія разсѣянныхъ бурей Турецкихъ кораблей, онъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ замысловъ, недавно имъ взлелѣянныхъ. Но какъ отказаться честолюбцу отъ любимой мечты, которою онъ дорожитъ столько же, сколько своею жизнью? Честолюбіе, питаемое жадностію, какъ червь, поминаетъ грызло сердце Хана и не давало ему покоя; — и онъ скоро прибѣгнулъ къ другому средству. Онъ началъ стараться вредить Донцамъ, уже не самъ собою, а посредствомъ другихъ, въ чемъ,

Черезъ нѣсколько времени волны Терка выбросили на берегъ обезображенный и покрытый широкими извилинами группъ Даута.

Такимъ образомъ родственники Исы отмести за кровь его.

ТИФЛИССКІЯ НОВОСТИ.

Книжная торюва г. Токарева. Концертъ г. Амедея Мюллера.

— Для любителей чтенія и для любителей музыки пріятно будетъ узнать о двухъ новостяхъ въ Тифлисѣ:

Съ 1-го числа марта, на Комендантской улицѣ, въ домѣ кн. Абамеликова, рядомъ съ квартирою К. О. И. Р. Географическаго Общества, открылась книжная лавка надворнаго совѣтника Г. А. Токарева, Коммисіонера Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ. Въ лавкѣ г. Токарева будутъ продаваться всѣ изданія Академіи Наукъ на Русскомъ и иностранныхъ языкахъ, новѣйшія Русскія книги и музыкальныя піесы. Равнымъ образомъ г. Токаревъ будетъ принимать коммисіи для выписки Русскихъ и иностранныхъ книгъ, неимѣющихся въ Тифлисѣ, а также можетъ доставлять желающимъ всѣ собственно-Тифлисскія періодическія и другія изданія. Въ непродолжительномъ времени г. Токаревъ предполагаетъ открыть кабинетъ для чтенія, гдѣ можно будетъ абонироваться на книги и журналы. Какъ Русская

къ несчастію, имѣлъ сначала нѣкоторый успѣхъ. По его настоятельству и внушенію, Едисанскіе Татары, вълѣе прочихъ враждебные Донцамъ, въ концѣ 1773 года тѣло двинулись къ Донскимъ предѣламъ, ворвались хищнически въ беззащитную Романовскую станицу, лежавшую на лѣвомъ берегу Дона, побили многихъ жителей и, разоривъ жилища, съ награбленнымъ имуществомъ и скотомъ начали было возвращаться домой. Но лишь только вѣсть объ этомъ дошла до Цымлянскій станицы, какъ находившійся въ ней храбрый 67-лѣтній старшина Рышкинъ, собравъ немедленно 130 казаковъ, погнался въ слѣдъ за Татарами, попалъ на нихъ ввезапно, «сразился и побѣдилъ», положивъ на мѣстѣ до 40 неприятелей: Татары въ ужасѣ обратились въ бѣгство. Присоединивъ къ себѣ на дорогѣ еще 170 казаковъ, Рышкинъ гнался за Татарами до самой рѣчки Кавальника: одна только быстрота Татарскихъ лошадей спасла ихъ отъ совершеннаго пораженія. Весь скотъ и награбленное имущество были возвращены обратно. Въ плѣнъ взято только 4 Татарина.

Впрочемъ, Едисанскіе вскорѣ отмести Донцамъ за свое пораженіе: 6-го февраля 1774 года они измѣнически напали на Донскаго поручика Павла (изъ полка Ларионова), служившаго въ Едисанской Ордѣ приставомъ, съ 50 казаками и, послѣ храбраго сопротивленія, при р. Черной Протоцкѣ, взяли его въ плѣнъ со всею командою (большая часть которой однакожь въ концѣ того же года, возвратилась изъ плѣну въ Черкасскъ).

Девлетъ-Гирей съ удовольствіемъ свѣдалъ, что дѣла его принимаютъ другой оборотъ. При томъ самыя обстоятельства начали благоприятствовать его коварнымъ замысламъ. Въ январѣ 1774 г. скончался предприимчивый Султанъ Мустафа III; на мѣсто его возшелъ на престолъ Турціи слабый Абдулъ-Гамидъ; сильные намѣстники отдаленныхъ Турецкихъ провинцій присвоили себѣ верховную власть: Шейхъ-Дагеръ въ Сиріи, Али-Бей въ Египтѣ, Али-Паша въ Янінѣ, Айвасъ-Оглу въ Анатоли и Иракліи въ Грузіи едва-ли оставили тѣнь Султанской власти. Хитрый Ханъ, слѣдившій за этими событіями, создалъ новый планъ: онъ вознамѣрился содѣлаться совершенно независимымъ отъ Турціи, подобно прочимъ намѣстникамъ. Съ этою цѣлію Девлетъ-Гирей началъ просить себѣ у новаго Султана подкрѣпленія, коварно величая его своимъ властителемъ. Въ умѣ Хана успѣхъ заглаждалъ постыдность способствъ; онъ готовъ былъ жертвовать своей зависти даже благоденствіемъ Крыма, котораго намѣревался сдѣлаться опять обладателемъ, и съ меньшимъ сожалѣніемъ видѣлъ бы гибель его въ своихъ рукахъ, нежели спасеніе отъ попеченій своего соперника или враждебной ему Россіи.

Новый Султанъ Абдулъ-Гамидъ, довольный усердіемъ Хана (коварство котораго онъ не могъ еще узнать), прислалъ дѣйствительно ему значительное подкрѣпленіе въ силахъ. Тогда Девлетъ-Гирей началъ дѣйствовать противъ Россіи и союзныхъ Татаръ открытою силою. Съ этою цѣлію онъ послалъ, въ началѣ марта 1774 г., брата своего Калгу Шаббасъ-Гирей, съ значительнымъ отрядомъ для завоеванія Джамбулукской орды, а самъ съ 10 тысячнымъ корпусомъ Турокъ и Татаръ, въ слѣдъ за нимъ выступилъ изъ Тамани другою дорогою, надѣясь въ скорости соединиться съ нимъ и, кромѣ того, приобрести себѣ по-

книжная лавка, такъ и кабинетъ для чтенія г. Токарева — нововведенія въ Тифлисѣ; но нѣтъ сомнѣнія, что при поощреніи просвѣщеннаго общества, эти нововведенія будутъ имѣть успѣхъ.

— Завтра, то есть въ воскресенье, 14-го марта, въ залѣ Тифлисской Дворянской Гимназіи будетъ данъ концертъ замѣчательнаго и уже извѣстнаго Тифлизу артиста-скрипача, г. Амедея Мюллера (изъ Берлина). Едва-ли приходится намъ слышать въ Тифлисѣ скрипача-виртуоза, который-бы превосходилъ г. Мюллера отчетливостію игры и выраженіемъ! Къ сожалѣнію всѣхъ истинныхъ любителей музыки, г. Мюллеръ на время оставляетъ Тифлисъ и Кавказъ. Но завтрашній концертъ будетъ его прощальнымъ піесною Тифлисскому обществу... Въ концертѣ будутъ участвовать г-нъ и г-жа Рамони, г-жа Вазоли, г. Барбіери, г. Шенингъ, г. Кессперъ, г. Фахнеръ, г. Альбано, г. Монтенари, г. Торга и г. Бартолотти. Г. Мюллеръ можетъ быть увѣренъ, что Тифлисскія публика посѣтитъ его музыкальный вечеръ и покажетъ отъзвучающему артисту, въ какой степени она умѣетъ дорожить эстетическимъ наслажденіемъ, доставляемымъ ей истинными талантами, къ числу которыхъ безспорно принадлежатъ и талантъ г. Мюллера.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Ф А Р И А Л И.

ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА

Ө. Ө. БОБЫЛЕВА

близь Кутаиса.

Извѣщаю симъ всѣхъ Закавказскихъ любителей хорошаго табаку и папиросъ, что у меня пригото...

ПАПИРОСЫ.

Table listing cigarette types and prices: AAAR. за сто 1 р. 20 к. за 25 шт. 30 коп. AAA. 1 » 20 » 30 »

СИГАРЫ

Изъ туземнаго табака.

W/Q. за сто 1 р. 60 к. S/F. за сто 1 р. 60 коп.

Примѣчанія. 1. На папиросахъ буква А означаетъ легкій сортъ, буква В крѣпкій и буква D средній.

2. Чѣмъ чаще одна и таже буква повторяется въ сигнатурѣ, тѣмъ выше сортъ.

3. Буква R значитъ: «rouge» (красный); поставленная при сортѣ, она указываетъ, что онъ пригото...

4. Звѣздочкою означены сорта, которые могутъ курить даже дамы.

5. Кромѣ показанныхъ въ преискурантѣ сигаръ приготолено еще нѣсколько сортовъ; но какъ фабрика приняла за правило не выпускать сигаръ...

6. Сигары и папиросы мои укупорены съ особенной тщательностію и снабжены этикетками моеи фабрики; ихъ нигдѣ нельзя получить, кромѣ какъ у меня въ Кутаисѣ.

7. Всѣ особы, выписывающія отъ меня на суммъ не менѣ десяти рублей серебромъ за разъ, ни за пересылку, ни за укупорку ничего не прибавляется, въ противномъ случаѣ, на каждую сотню папиросъ прибавляется 10 к., а на сотню сигаръ 20 к. за пересылку.

8. Выписывающіе отъ меня на сто рублей и болѣе, сверхъ того пользуются уступкою десяти процентовъ.

9. Желающіе воспользоваться столь выгодными условіями могутъ адресовать деньги и требованія на имя мое въ Кутаисъ; адреса гг. требователей должны быть написаны четко и съ должною ясностію. Всѣ таковыя требованія будутъ выполняемы мною съ первою отходящею почтою.

Өедотъ Өедотовъ Бобылевъ.

ЮВЕЛИРЪ СОКОЛОВЪ

симъ честь имѣетъ извѣстить, что онъ покупаетъ и промѣниваетъ старыя золотыя и серебряныя вещи, а также разный ломъ, жемчугъ и брилліанты, а потому приглашаетъ желающихъ продать или промѣнять свои старыя вещи, обращаться въ магазинъ его, Соколова, находящійся на Эриванской площади, возлѣ магазина Блота.

ЗА 50 Р. С.

ПРОДАЕТСЯ

тарантасъ въ Кукахъ, по Елизаветинской улицѣ, въ д. Бакрадзе.

ПРИБЪХАЛИ: марта 10-го: изъ Царскихъ-Колодцевъ полковникъ Головинъ, изъ С.-Петербурга коллежскій асессоръ Эбелингъ и коллежскій регистраторъ де-Андре. 11-го: изъ Шемахи подполковникъ фонъ-Миллеръ, изъ Т. Прилукъ поручикъ Булатовъ. 12-го: изъ С. Петербурга генераль-майоръ князь Воронцовъ, изъ Александрополя майоръ Кобіевъ, изъ Сухумъ-Кале капитанъ Заводовскій, изъ Душета губернской секретарь Соболевскій.

ВЫБЪХАЛИ: марта 10-го: въ Кутаисѣ полковникъ Бартоломей, въ Александрополь подполковникъ Казманъ, въ Владикавказъ надворный совѣтникъ Александровичъ, въ ур. Гамборы Капитанъ Путицковъ, въ Пятигорскъ поручикъ Биллевъ, въ Ставрополь подпоручикъ Суменко. 11-го: въ Александрополь гевераль-майоръ Васмундъ, подполковникъ Костырко и подполковникъ Джимарджидзе, въ Темиръ-Ханъ-Шуру полковникъ Сафоновъ, на Манглисѣ полковникъ Моллеръ, въ Новыя-Закаталы коллежскій регистраторъ Акимовъ. 12-го: въ гор. Эривань генераль-майоръ Назоровъ, въ сел. Шулаверды майоръ Лорисъ-Меликовъ.

ыхъ союзниковъ. Но тутъ ему не посчастливилось. Стоявшіе въ Джамбулцкой ордѣ съ гусарскимъ и казачьимъ полками, подполковникъ Бухвастовъ и Донской полковникъ Ларіоновъ, свѣдавъ о приближеніи Шаббасъ-Гирей, тотчасъ же бросились на встрѣчу и, при вершинахъ рѣки Еи, нанесли ему сильное пораженіе, прежде, нежели Ханъ успѣлъ придти къ нему на помощь.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего сраженія, Ларіоновъ, отправленный съ казаками, для поисковъ надъ непріателемъ, ночью внезапно окруженъ былъ многочисленною толпою недавно разбитыхъ Татаръ. Гибель Донцовъ казалась неизбежною, но присутствіе духа Ларіонова спасло ихъ; ободривъ казаковъ, онъ велѣлъ тотчасъ ударить на непріателя «въ пики», съ крикомъ «ура!» Пораженные неожиданно стію и не зная вѣрно о числѣ казаковъ, Татары скоро смѣшались и обратились въ бѣгство. «На разсвѣтъ слѣдующаго дня ни одного уже изъ тѣхъ непріателей, говоритъ Бухвастовъ, вокругъ нашего лагеря видно не было.» За эти подвиги Ларіоновъ и Бухвастовъ, по представленію корпуснаго командира, генераль-поручика де-Медема, Всемилостивѣйше пожалованы были вмѣстѣ съ своими полками не взычетъ годовымъ окладомъ жалованья. Вотъ что писалъ Бухвастовъ (отъ 17 іюня 1774 г.) по этому случаю Ларіонову: Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшая Государыня соизволила пожаловать бывшимъ со мною на сраженіи противъ Калги-Шаббасъ-Гирей-Султана, каждому человѣку по рублю; а какъ полку вашего находилось сто девяносто два человѣка, то на всѣхъ сихъ людей посылаю толикое жъ число денегъ чрезъ капитана Штендера. Вы же, по полученіи ихъ, раздайте сами каждому человѣку лично, съ объявленіемъ Всевысочайшей Ея Императорскаго Величества милости ко всѣмъ храбро противъ непріателя дѣйствующимъ.»

Узнавъ о разбитіи Шаббасъ-Гирей, Девлетъ-Гирей еще болѣе воспламенился мщеніемъ противъ Русскихъ. Озлобленный безпрестанными неудачами, онъ готовился нанести войскамъ, стоявшимъ на Кубани, рѣшительный ударъ и только искалъ для этого благоприятнаго случая, научившись уже изъ опыта не вѣрить слѣпому счастью. Желанный случай вскорѣ представился. Полковникъ Стремауховъ, о которомъ сказано выше, въ первыхъ числахъ Апрѣля 1774 г., снарядилъ для продовольствія Русскихъ войскъ, расположенныхъ на Кубани, большое количество провіанта и, для доставленія этого транспорта, назначилъ въ прикрытіе Донскихъ Подковниковъ Ларіонова и 23-хъ лѣтняго Платова (впоследствии графа), съ ихъ полками при одномъ орудіи. Ханъ провѣдалъ какъ-то объ этомъ и тотчасъ же рѣшился произвести на нихъ нападеніе со всѣми своими силами. Но чтобы сдѣлать ударъ сильнѣе и вѣрнѣе Девлетъ-Гирей склонилъ на свою сторону многихъ горскихъ князей съ ихъ дружинами; такимъ образомъ, составивъ войско въ 20 разъ многочисленнѣе казачьяго, онъ расположился съ нимъ въ скрытномъ мѣстѣ, у рѣки Калалахъ, возлѣ дороги, по которой долженъ былъ слѣдовать транспортъ. Казалось, что казаки должны были неминуемо погибнуть, тѣмъ болѣе, что большой запасъ хлѣба, препровождаемаго ими, служилъ естественно сильною приманкою для непріателей; но съ Донцами находился Платовъ,—этого было довольно. Лишь только транспортъ приблизился къ рѣкѣ Калалахъ, какъ вдругъ Татары устремились на него со всѣхъ сторонъ, съ ужасными криками: «Алла! Алла!» Видя совершенную невозможность открыто сразиться съ многочисленнымъ непріателемъ, Ларіоновъ и Платовъ выслали незначительную команду казаковъ впередъ для удержанія перваго натиска непріателей, а прочимъ велѣли тотчасъ сдѣлать изъ повозокъ и кулей вагенбургъ (родъ полевого укрѣпленія). Потомъ Платовъ, выбравъ изъ своего полка двухъ храбрыхъ казаковъ, приказалъ имъ пробиться сквозь непріателя и извѣстить подполковника Бухвастова, стоявшаго съ своимъ полкомъ на другой сторонѣ р. Калалахъ, объ ихъ отчаянномъ положеніи. «Ребята! говорите имъ Платовъ на прощаньи, вамъ предстоитъ побѣда или славная смерть! Помните, что если вы пробьетесь сквозь вражью силу, вы спасете честь и славу всего войска, а коли умрете за Вѣру, Отечество и Матушку-Царицу, да и Царствія Небеснаго не лишитесь!» Казаки крикнули въ отвѣтъ «ура», и смѣло ударили на многочисленнаго непріателя.

(Оконч. въ слѣд. №.)

Метеорологическія наблюденія.

Table with columns: Мѣсяцъ и числа по старому стилю, Часы, Термометръ Р° (Сухой, Смоч.), Скорость воздуха, Барометръ при 13 1/2 Р°, Русс. полуш. Н., Направленія вѣтра, состояніе неба, Темпер. Реом. (Наим., Наиб.).

Прим.: 11 марта съ 5 ч. 30 м. утра до 11 ч. 30 м. утра шелъ мелкій дождь, съ 2 ч. 13 м. до 2 ч. 29 м. попол. накр. дождь, съ 4 ч. 9 м. до 5 ч. 24 м. попол. и съ 7 ч. 39 м. до 7 ч. 54 м. вечера шелъ дождь, съ 11 ч. до 11 ч. 50 м. вечера накр. дождь. Количество выпавшей дождевой воды 0,258 русск. дюйм.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 21 ГАЗЕТЫ КАВКАЗЪ.

1854.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 18-го Февраля.

Въ «Journal de Saint-Petersbourg» напечатано: «Мы получили известіе о засѣданіи Англійскаго Нижняго Парламента 17 февраля, и о рѣчи, произнесенной въ немъ лордомъ Джономъ Росселемъ.

«Здѣсь не мѣсто касаться тѣхъ кровавыхъ оскорбленій, которыя залегутъ въ памяти каждаго вѣрнаго подданаго Государа Императора, но не могутъ достигнуть Августѣйшей Особы, на которую были обращены. Ограничимся замѣчаніемъ, что тщетно стали бы искать въ лѣтописяхъ парламентскихъ примѣра подобнаго невоздержанія рѣчей въ устахъ кабинетнаго министра противъ Государа, которому отечество его еще не объявило войны. Въ этой рѣчи замѣчательны не дерзости министра, а обнаруживаемое имъ свойство намѣреній своего правительства. Отнынѣ становится яснымъ, что всеобщій миръ уже не зависигъ отъ какого либо случая, но что министерство Англійское рѣшительно положило возжечь войну. Къ этому концу должна была привести пагубная недоувѣрчивость, которая, въ восточномъ вопросѣ, породила всѣ предшествовавшія затрудненія, и наконецъ поведетъ ихъ къ самой плачевной развязкѣ.

«Легко понять, что такая недоувѣрчивость могла возникнуть во Франціи; что она могла, до нѣкоторой степени, найти мѣсто въ умѣ правительства еще поваго, не имѣвшаго времени долговременными опытами получить, по прежнимъ сношеніямъ нашимъ съ нимъ, истинное понятіе о дѣйствительныхъ нашихъ намѣреніяхъ, и что такое правительство невольно уступило господствующему издавна неосновательному мнѣнію о Русской политикѣ на Востокѣ. Но со стороны Англій, которой по долговременнымъ сношеніямъ, известны всѣ предидущія событія, известенъ характеръ Государа Императора, чувство такого рода изумительно. Британское правительство менѣе всякаго другаго должно было бы позволять себѣ подобныя подозрѣнія. У него въ рукахъ письменныя доказательства, что эти подозрѣнія не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. Задолго до нынѣшняго положенія, прежде нежели вопросы, возникшіе изъ отправленія князя Меншикова въ Константинополь, приняли видъ явнаго раздора, прежде нежели Англія вступила, въ дѣйствіяхъ своихъ, на одну стезю съ Франціею, Государъ Императоръ, по влеченію собственнаго Своего желанія, открылся съ совершеннымъ чистосердечіемъ королевѣ и ея министрамъ, съ цѣлію войти съ ними въ искреннее единогласіе на случай самаго важнаго событія, которое могло бы постигнуть Имперію Оттоманскую.

«Съ 1829 года Его Величество съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за происшествіями въ Турціи. Государъ Императоръ ясно видѣлъ, какія послѣдствія произойдутъ отъ переменъ, мало по-малу проникавшихъ въ существо сего государства. Старинная Турція исчезла съ-тѣхъ-поръ, какъ вздумали вводить въ нее учрежденія, совершенно-противныя духу исламизма, нравамъ и обычаямъ мусульманъ, болѣе или менѣе заимствованныя у новаго либерализма, слѣдственно состоящія въ явной борьбѣ съ самымъ существомъ правительства Оттоманскаго. Становилось очевиднымъ, что въ Турціи происходитъ совершенное преобразование, что успѣхъ этихъ опытовъ новой организаціи имперіи сомнителенъ, и предвѣщаетъ переломъ, который можетъ ее разрушить; что неожиданно можетъ возникнуть совершенно-новый порядокъ вещей, неизвѣстно еще

какой, во всякомъ случаѣ угрожающій паденіемъ настоящему порядку, отнынѣ невозможному.

«Къ этимъ постояннымъ и безпрестанно-возрастающимъ причинамъ разрушенія, недавно присоединились еще другія замѣшательства, пронесенныя отъ дѣлъ Черногорскихъ, отъ преслѣдованія христіанъ во многихъ обитаемыхъ ими провинціяхъ, отъ споровъ съ правительствомъ Австрійскимъ, отъ важныхъ финансовыхъ затрудненій, и наконецъ великое дѣло о Святыхъ мѣстахъ, которое отъ высокомѣрныхъ требованій Французскаго посла въ Константинополь, становилось важнымъ и грознымъ. Эти замѣшательства, поддерживавшія скрытное броженіе среди племенъ христіанскихъ, могли со дня на день разразиться быстрымъ переворотомъ, который надлежало предвидѣть.

«Усматривая крайнюю важность подобнаго событія, которое становилось возможнымъ, если еще и не было совершенно-вѣроятнымъ, убѣждаясь въ бѣдственныхъ послѣдствіяхъ, которыя оно могло повлечь за собою, Государъ Императоръ желалъ увѣрится предварительно, раздѣляетъ ли Англійское правительство его опасенія. Его Величество желалъ болѣе всего, искреннимъ объясненіемъ, отклонить всякій поводъ къ несогласію съ Великобританіею. Его Величеству казалось весьма важнымъ утвердить съ симъ правительствомъ совершенное единомысліе.

«Съ сею цѣлію Государъ Императоръ поручилъ Англійскому посланнику въ Санктпетербургѣ довести до свѣдѣнія королевы о опасностяхъ, которыя, по мнѣнію Его Величества, въ близкомъ или отдаленномъ времени, могутъ нарушить общее равновѣсіе въ Турціи. Его Величество предлагалъ ея величеству королевѣ Великобританской выразить мнѣнія обѣихъ сторонъ не гласно, но съ полною довѣренностью. Это было, безспорно, самымъ яснымъ доказательствомъ довѣренности, какое Государъ Императоръ могъ дать Лондонскому двору. Его Величество въ то время выразалъ такимъ образомъ искреннее желаніе предупредить въ будущемъ всякое разногласіе между обоими правительствами.

«Сиръ Гамильтонъ Сеймуръ исполнилъ исполненіемъ важнаго порученія, изложеннаго ему Государемъ въ продолжительномъ частномъ разговорѣ.

«Отъ того возникла между нынѣшними Англійскими министрами и Императорскимъ Кабинетомъ переписка самаго дружественнаго свойства.

«Мы не имѣемъ права обнародовать неофициальные документы, которыхъ содержаніе исключительно не принадлежитъ одному Государю Императору, и въ коихъ заключаются изліянія довѣренности, бывшей въ то время взаимною. Намъ позволительно только сказать, что въ этомъ изслѣдованіи обстоятельствъ, которыя болѣе или менѣе могли нарушить настоящее положеніе дѣлъ на Востокѣ, въ изслѣдованіи, основанномъ на обоюдномъ убѣжденіи, что надлежитъ всячески поддерживать это настоящее положеніе и продолжать оное доколѣ возможно, никогда не было рѣчи о какомъ-либо планѣ, которымъ бы Россія и Англія предварительно одиѣ распоряжались участіемъ разныхъ провинцій, составляющихъ имперію Оттоманскую, и еще менѣе о заключеніи между ими какого-либо формальнаго условія безъ вѣдома и безъ участія другихъ дворовъ. Обѣ стороны ограничивались, не официальнымъ, но откровеннымъ сообщеніемъ о томъ, что было бы противно пользамъ Англій и пользамъ Россіи, для того, чтобъ въ случаѣ нужды из-

бѣжать дѣйствій не только враждебныхъ, но и разногласныхъ.

«Обративъ вновь вниманіе на эти акты, драгоценныя свидѣтельства искреннихъ сношеній, вспоминая, въ какомъ духѣ оцѣнивали ихъ министры, съ которыми происходила переписка, — тѣ самые министры, въ послѣдствіи увлекшіеся достойными сожалѣнія предубѣжденіями, могутъ видѣть, справедливы ли эти предубѣжденія. Пусть лордъ Джонъ Россель въ особенности, всепародно провозгласившій въ выраженіяхъ непростительныхъ, перечитаетъ эту корреспонденцію, въ которой онъ принималъ участіе первый до смѣны его лордомъ Кларендономъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Пусть онъ спроситъ свою совѣсть, если только овладѣвшая имъ слѣпая страсть еще позволяетъ ему внимать ея голосу. Онъ можетъ нынѣ признать, дѣйствительно ли правда, что Государъ Императоръ нарушилъ откровенность въ отношеніи къ Престолу Британскому, и не допускалъ ли Его Величество довѣрчивости Своей до крайнихъ предѣловъ; есть ли малѣйшій поводъ къ заключенію о нашихъ властолюбивыхъ и исключительныхъ замыслахъ на Константинополь, и, напротивъ не выражался ли Государъ Императоръ такимъ образомъ, что не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія о дѣйствительныхъ Его намѣреніяхъ, для избежанія политическихъ замѣшательствъ, въ крайнемъ случаѣ, на который Онъ тогда же обратилъ вниманіе англійскаго правительства.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Англія.

Лондонъ, февраля 23-го. Лондонскій корреспондентъ Аугсбургской Газеты пишетъ отъ 21-го февраля: «Вчера въ Турецкомъ посольствѣ получена депеша, о возстаніи христіанъ въ Турціи, съ присовокупленіемъ, что оно значительно и находится отголосокъ повсюду. Турецкій посланникъ поспѣшилъ сообщить полученную имъ депешу министру иностранныхъ дѣлъ, и обратиться къ нему съ вопросомъ, будутъ ли экспедиціонныя войска западныхъ державъ помогать Султану противъ возставшихъ христіанъ. Говорятъ, что лордъ Кларендонъ отвѣчалъ отрицательно. Восточный вопросъ со дня на день дѣлается запутаннѣе. Известно, что Французскія и Англійскія вспомогательныя войска назначаются для того, чтобы держать караулъ въ сералѣ, или стоять лагеремъ передъ Константинополемъ; но союзнымъ правительствамъ Франціи и Англій предстоить еще рѣшить, будутъ ли они сражаться за мусульманъ противъ христіанскихъ подданныхъ Турціи, или только противъ Русскихъ войскъ. Съ каждымъ днемъ обнаруживается болѣе и болѣе, что событія сильнѣе всѣхъ соображеній и расчетовъ. Вооруженія, по прежнему, продолжаютъ. (Allg. Z.)

— Въ Англій начинаютъ понимать, что въ восточномъ вопросѣ рядомъ съ Англо-Французскою политикою дѣйствуетъ еще и исключительно — Французская. Въ той же газетѣ замѣчаютъ, что письмо Императора Французовъ было не хорошо принято въ Англій, въ чемъ легко можно убѣдиться не только по Англійскимъ газетамъ, но и по краткому сужденію о немъ въ Парламентѣ. (J. de St.-P.)

— Недавно обнародованъ отчетъ о вишней торговлѣ Англій за прошлый годъ. Вывозъ увеличился противъ 1852 года на сумму 15,982,240 ф. ст., между тѣмъ какъ въ 1852 году вывозъ увеличился противъ 1851 года всего на сумму 2,843,465 ф.

ст. Увеличение произошло по всем предметам вывоза, за исключением шерсти; всего больше увеличился вывоз металлов и бумажных тканей. Всего вывезено в 1853 году на сумму 87,357,366 ф. ст. (J. de St.-P.)

Франция.

Париж, февраля 24-го. Говорят, что сегодня опять взято под стражу большое число людей. Достоверно, что демократическая партия сильно волнуется. Некоторые лица получили сегодня по почте родъ прокламации къ Французскому народу, подписанной изгнанниками. Въ ней заключается изступленное воззваніе къ оружію. (J. de St.-P.)

— Въ Union пишутъ о нынѣшней войнѣ: «И такъ жребій брошенъ! Послѣ бесполезныхъ переговоровъ и непрерывныхъ опасеній, продолжавшихся слишкомъ годъ, Франція рѣшилась на всѣ случайности войны, и Европа подвергнута опасному столкновению, котораго переворотъ и окончанія никто предвидѣть не можетъ. И въ то время, какъ Англійскіе государственные люди выступаютъ съ рѣзкими выходками, какъ въ рѣчахъ, такъ и въ газетахъ, а журналы, слѣдующіе политикѣ Французскаго кабинета, говорятъ нѣсколько спокойнѣе, хотя такъ же рѣшительно, бунтовщики по обѣимъ сторонамъ Ламанскаго пролива испускаютъ жаркіе и радостные возгласы. Мы, съ нашей стороны, всегда желали мира, хотя не скрывали, что сохраненіе его трудно и непрочное; мы всегда боялись войны, ежедневно вида приближеніе ея и неизбежность. — Она вслыхнула наконецъ. Опасенія наши исполнились. Мы, конечно, не боимся за славу Франціи. Нашъ патриотизмъ послѣдуетъ за нею на всѣ поля битвы: она пребудетъ достойною древней своей чести. (Union.)

— Въ той же газетѣ напечатана статья о восточномъ вопросѣ, изъ которой сообщаемъ слѣдующее извлеченіе: «Однажды Бонапарте, будучи еще только первымъ консуломъ, вдругъ обратился къ умной женщинѣ, г-жѣ Клермонъ-Тоннеръ, которая потомъ вышла за г-на Таларю, съ слѣдующимъ вопросомъ: «что думаете вы обо мнѣ?» — «Генераль, отвѣчала она послѣ минутнаго размышленія, я думаю... я думаю, что вы походите на искуснаго архитектора, который не хочетъ показывать сооружаемаго имъ зданія, пока оно не будетъ совершенно окончено. Вы строите, скрывшись за лѣсами, которыя вы снесете, когда окончите вашу работу.» Ответъ былъ очень остроуменъ; и въ приложеніи къ общему ходу событій въ нашемъ мѣрѣ, онъ имѣетъ глубокой смыслъ. Истинный зодчій, дѣйствующій за оградой, есть Провидѣніе; Его созиданія представляются въ полной ясности лишь тогда, когда они вполне окончены!

«Въ настоящую минуту мы видимъ громадные лѣса на Востокѣ. Много рабочихъ трудятся за ними; но они сами не знаютъ, что дѣлаютъ, и тѣ, которые смотрятъ на ихъ работу, знаютъ объ этомъ не болѣе первыхъ. А зданіе будетъ очень значительное: всѣ предчувствуютъ это; но тайна Зодчаго будетъ известна лишь тогда, когда будутъ сломаны подмостки. Мы можемъ только соображать и догадываться, и это служить для людей утѣшеніемъ въ ихъ невѣжествѣ. Самая правдоподобная догадка состоитъ въ томъ, что всѣ работники въ восточномъ вопросѣ, друзья и враги, союзники и соперники, всѣ трудятся надъ однимъ общимъ зданіемъ, и что когда это зданіе будетъ окончено, Оттоманская имперія прекратитъ свое существованіе. Кто займетъ ея мѣсто? Ни одинъ работникъ не знаетъ этого; Зодчій покажетъ это послѣ. Но значить ли это, что люди суть только слѣпныя орудія воли Прови-

дѣнія, и что политика нѣчто въ родѣ фатализма? Напротивъ, не разоблачая будущаго, Провидѣніе позволяетъ и приказываетъ людямъ въ нѣкоторой степени обнаруживать Его волю свободою своихъ дѣйствій въ настоящемъ, и вотъ почему эти дѣйствія должны быть предприняты по зрѣломъ обдуманіи.

«Такимъ образомъ въ этомъ восточномъ вопросѣ, который волнуетъ мѣръ, какъ нѣкогда волновали его Крестовые походы, политическая мудрость конечно сохранила всѣ свои права, и должна была разсмотрѣть, не будетъ ли окончательный результатъ почти тотъ же, на чтобы ни рѣшилась она? Этотъ окончательный результатъ, по мнѣнію пропитательныхъ политическихъ людей, есть смерть Оттоманской имперіи. Слѣдовательно, вспыхнетъ ли война, или сохранится миръ, Оттоманская имперія умираетъ; по политической мудрости предоставленъ выборъ между войною и миромъ, и слѣдовательно, свобода человеческой воли и дѣйствій остается неупрежденною. Мы можемъ только предчувствовать, что когда упадутъ подмостки, то глазамъ нашимъ представится обновленіе Востока, обновленіе религиозное еще болѣе нежели политическое, потому что исламизмъ исчезнетъ. При этомъ мы сдѣлаемъ одно замѣчаніе: Западъ истощитъ свои силы на поддержаніе цѣлости Оттоманской имперіи, но окончательнымъ результатомъ этого усилія будетъ уничтоженіе этой имперіи! Исторія въ особенности обратитъ вниманіе на контрасты въ образѣ дѣйствій людей вѣрующихъ и скептиковъ въ дѣлѣ подготовленія этого событія. Окажется, что именно скептики, не признающіе вліянія религіи на политику, и вызвали это событіе; что люди вѣрующіе ожидали его съ гораздо большимъ спокойствіемъ, первые желая войны, вторые, довѣряя миру, какъ бы въ доказательство того, что вѣрующіе въ Провидѣніе лучше предугадываютъ будущее, и что всего менѣе понимаютъ важность своихъ поступковъ люди, довѣряющіе только своему искусству и гению. Отъ послѣднихъ-то преимущественно скрыто строящееся зданіе. Они работаютъ надъ нимъ, не зная сами, что дѣлаютъ. Нѣкоторые считаютъ себя зодчими, но они не болѣе какъ простые рабочіе.»

— Холодъ въ южной Франціи такъ силенъ, что кондукторъ при дилижансѣ, отправившемся изъ Пюи въ Родесъ, пріѣхалъ въ послѣдній городъ съ замерзнувшими руками и ногами. Его перевезли въ гостиницу въ самомъ жалкомъ положеніи. (J. de St.-P.)

Австрія.

Вѣна. Многочисленные аресты, вызванные пагубными проповѣдями Кошута и распространеніемъ ассигнацій революціонной партіи, произведены въ Трансильваніи и нѣкоторыхъ округахъ Венгріи. (J. de St.-P.)

Италія.

Римъ, февраля 3-го. По случаю дороговизны хлѣба произошли важные безпорядки въ Равеннѣ, Римини и Чезенѣ. Еще сильнѣйшіе случились въ Перузѣ. Толпы голодныхъ крестьянъ вступили въ городъ крича: «хлѣба!» Комендантъ (Швейцарецъ) собралъ войско и хотѣлъ стрѣлять въ несчастныхъ, но делегатъ Лоскіано не допустилъ его, и обнаружилъ большую умѣренность. (J. de St.-P.)

Испанія.

Телеграфическая депеша изъ Мадрита, прибывшая въ Парижъ 26-го февраля, извѣщаетъ, что королевскимъ декретомъ, напечатаннымъ въ официальной «Газетѣ», вся Испанія объявлена въ осадномъ положеніи. Значительное число членовъ оппозиціи арестованы (Ind. B.)

Турція.

Янина, января 30-го. Корреспондентъ Аугсбургской Газеты пишетъ отсюда: «Признаки приближающейся бури умножаются; христіанское движеніе достигло такихъ размѣровъ въ самой Греціи, что начинаютъ сомнѣваться, чтобы Греческое правительство имѣло достаточныя средства и силу остановить его на всѣхъ пунктахъ королевства. Изъ Аѳинъ получены письма къ губернатору Эпира, относящіяся къ возстанію, а въ Артѣ правительство перехватило письмо, за подписью димарха Тіамскаго, Скилодемоса, написанное къ Каранскаки, сыну героя падшаго въ войнѣ за независимость Греціи. Содержаніе письма должно быть очень важно, потому что привело Артскихъ Турокъ въ большое замѣшательство. Они удалились съ своими семействами въ городскую крѣпость, дозволить Евреямъ укрыться тамъ же, но запретивъ входъ въ нее всѣмъ Грекамъ, даже богатымъ купеческимъ семействамъ, искавшимъ тамъ убѣжища отъ ожидаемаго нападенія возставшихъ на городъ Арту, который, какъ извѣстно, находится всего въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Греческой границы. Четыре батальона редифовъ будутъ посланы отсюда на границу; приняты будутъ и другія мѣры, внушаемыя недоувѣріемъ къ Греціи. Въ Артѣ было захвачено еще письмо, написанное къ Грекамъ, живущимъ въ Артѣ. Англійскій консулъ отправилъ курьера въ Корфу, какъ говорятъ, за помощію для Турокъ противъ христіанъ.» (Allg. Z.)

— Изъ Константинополя, отъ 2-го февраля, пишутъ въ Вѣнской газетѣ Presse, что возмущеніе жителей острова Самоса противъ каймакана почтается тамъ весьма важнымъ. Порта послала въ Самосъ комиссара для произведенія слѣдствія. Мѣстные начальства убѣдительно просили отправить туда нѣсколько тысячъ войска, чтобы остановить возмущеніе Грековъ, грозящихъ Туркамъ истребленіемъ. Правительство хранитъ въ величайшей тайнѣ возмущеніе этого острова, чтобы примѣръ Самосцевъ не подѣйствовалъ на Грековъ въ другихъ мѣстахъ.

Вотъ воззваніе Артійскихъ жителей: «Мы, нижеподписавшіеся, притѣсняемые, обремененные налогами, терпя всякія оскорбленія отъ дикихъ и варварскихъ Турокъ, лишающихъ чести дѣвъ нашихъ, продолжаемъ общую войну 1821 года и клянемся именемъ Бога и святаго отечества, что положимъ оружіе не прежде, какъ когда достигнемъ независимости. Мы надѣемся при этомъ продолженіи борьбы 1821 года, что не только всѣ свободные, но и порабощенные Турками Греки поднимутъ знамя независимости и будутъ сражаться за вѣру и отечество. Эта борьба священная, справедливая, основанная на народномъ правѣ, и никто не можетъ порицать насъ за наше предпріятіе. Итакъ, братья, беритесь за оружіе для общей борьбы, свергните съ себя иго этого Вандальскаго владычества и покажите мѣру, что сражаетесь за вѣру и отечество. Богъ всегдашній защитникъ христіанъ.» Вотъ присяга возставшихъ Грековъ: «Клянусь Священнымъ Писаніемъ и Пресвятой Троицей и именемъ Господа нашего Иисуса Христа, что положу оружіе, мною подъятое, не прежде, чѣмъ когда притѣснители будутъ изгнаны изъ моего отечества и оно будетъ совершенно свободно; клянусь также Всемогущимъ Богомъ, что кровью своей буду защищать Греческое знамя.»

— Старанія Намикъ-паши о заключеніи займа не имѣли успѣха. Говорятъ, что онъ вскорѣ возвратится въ Константинополь. (Zeit.)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.